

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА П-ОВ ЯМАЛ (1928—1929 гг.)**

В 1989 году минуло ровно 60 лет со времени первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал. Желая отметить это, а также почтить память трагически погибшей в августе 1929 г. Натальи Александровны Котовщиковой (начальника Североямальной экспедиции Ленинградского университета), мы публикуем обнаруженные нами архивные материалы.

В последние годы заметно возрос интерес к п-ову Ямал, его географии, природе, населению, истории освоения. Появились новые, весьма интересные книги и статьи по истории научных исследований и экспедиций в 1920—30-е гг.¹ Мы надеемся, что наша скромная публикация малоизвестных архивных документов продолжит это дело.

Публикуемые ниже выдержки из полевых дневников В. П. Евладова, где он пишет о своих встречах с Н. А. Котовщиковой и В. Н. Чернецовым в 1926 и 1928 годах, редкие фотографии, а также письма и последние записки Н. А. Котовщиковой почти не известны даже специалистам-североведам. В этих документах, как нам кажется, ярко отразились условия жизни и работы на Ямале в 1920-е годы, раскрылись некоторые, на наш взгляд, достойные самого глубокого уважения черты личности и характеры этнографов того времени, содержатся сведения, проливающие новый свет на обстоятельства гибели Н. А. Котовщиковой, дополнительно к тому, что было сообщено об этом В. Н. Чернецовым в статьях-некрологах, помещенных в журналах «Этнография» (1930, № 1-2) и «Советский Север» (1931, № 7, 8).

Несколько слов о ямальных экспедициях 1928—29 гг. Экспедиция В. П. Евладова была организована по решению Уралоблисполкома и субсидировалась, в основном, Уральским областным земельным управлением (Уралоблзу). В ее задачи входило всестороннее изучение политико-экономического состояния, жизни, быта, обычного права ямальных кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-менных отношений, производства и потребления, работы торгово-заготовительных организаций и др. Экспедиция в составе В. П. Евладова (начальник экспедиции), товароведа И. В. Каргопольцева, охотоведа Н. Н. Спицина выехала из Свердловска в начале марта 1928 г., а 17 апреля отряд численностью 16 человек со стадом оленей (374 головы) и обозом из 58 нарт выступил на Ямал. В августе В. П. Евладов, Н. Н. Спицин и переводчик М. Ф. Ядопчев с группой ненцев-охотников высадились на о. Белый. Ими было сделано первое в истории географических исследований на Ямале географическое и топографическое описание южной части острова. Предшественники В. П. Евладова (Б. М. Житков, морские офицеры Иванов и Рагозин) находились на Белом только в зимнее время, когда увидеть что-либо кроме очертаний береговой линии было невозможно. От пролива Малыгина группа Евладова двинулась к оз. Ней-то для встречи с основной базой своей экспедиции. В лагере на озере В. П. Евладов встретился с Н. А. Котовщиковой.

Североямальная экспедиция научно-исследовательской секции Комитета Севера при Президиуме ВЦИК — студенты Ленинградского университета этнограф Н. А. Котовщикова (начальник экспедиции), археолог и этнограф В. Н. Чернецов и зоолог К. Я. Ратнер были доставлены на Ямал гидрографическим судном «Полярный» и высажены в районе мыса Марресалё. Основная задача этой экспедиции — археолого-этнографические изыскания. Попутно предполагалось вести естественно-научные наблюдения, собрать информацию по практическим хозяйственным и социальным вопросам жизни оленеводов

Рис. 1. Схема маршрутов ямальских экспедиций 1928—29 гг.: сплошная линия — Маршрут экспедиции Н. А. Котовшиковой; прерывистая — Маршрут экспедиции В. П. Евладова

Ямала. Намеченный район работ Североямальской экспедиции — побережье прол. Малыгина, южная часть о. Белого. По неизвестным обстоятельствам «Полярный» не смог доставить экспедицию прямо к месту работ, как это предполагалось. У нее возникли трудности с переездом и доставкой грузов на крайний север Ямала. В это время к месту высадки экспедиции прибыла группа товароведа экспедиции Уралоблзу И. В. Каргопольцева. По его совету, Н. А. Котовшикова решила выехать в лагерь экспедиции Уралоблзу на Нейтинские озера для встречи с В. П. Евладовым, с которым она познакомилась еще в 1926 г. во время своей первой поездки на север. Встреча на оз. Ней-то состоялась, В. П. Евладов оказал Н. А. Котовшиковой посильную помощь, снабдив ее материалами, рекомендательными письмами, одеждой, оборудованием, а также передал из своей экспедиции «охотника-практиканта» Васю Терентьева. В начале октября Н. А. Котовшикова вместе с Васей Терентьевым возвратилась в свой лагерь на Марресалё, затем Североямальская экспедиция двинулась на крайний северо-восток п-ова Ямал, к р. Тамбей. Отряд В. П. Евладова в это время начал движение на юг, к Обдорску...

Первая заметка В. П. Евладова — о встрече и знакомстве с Н. А. Котовшиковой и В. Н. Чернецовым в марте 1926 г. в Тобольске — взята нами из его более поздних записей (предположительно, сделанных в 1960-е годы), когда В. П. Евладов работал над своими воспоминаниями об экспедициях на п-ов Ямал. В полевом дневнике 1926 г. об этой встрече есть только краткая запись.

Вторая — о встрече двух экспедиций: Ямальской экспедиции Уралоблзу и Североямальской экспедиции ЛГУ и Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в районе оз. Ней-то — взята непосредственно из полевого дневника В. П. Евладова того времени.

Два письма Н. А. Котовщиковой адресованы В. П. Евладову. Подлинники писем, а также фотоархив и полевые дневники экспедиции Уралоблзу 1928—1929 гг. сохранились в семье Евладовых и были любезно предоставлены для публикации¹. Тексты кратких записок Н. А. Котовщиковой к своим товарищам по экспедиции, написанные ею незадолго до гибели в августе 1929 г. на мысе Хаен-сале вблизи прол. Малыгина, были обнаружены нами в архиве В. Н. Чернецова². Это были не подлинные записки Н. А. Котовщиковой, а их копии, сделанные рукой В. Н. Чернецова. Подлинников записок нам обнаружить не удалось. Мы предполагаем, что эти копии были сделаны В. Н. Чернецовым во время работы над какой-то статьей или заметкой о Н. А. Котовщиковой, которая им так и не была опубликована. Не оказалось в архиве и ямальских дневников Н. А. Котовщиковой, о существовании которых Чернецов упоминает: «... всех подробностей ее трагической гибели выяснить не удалось, и лишь в общих чертах ее можно восстановить из дневников Н. А. и слов самоедов, бывших с нею до последнего времени».

Вот, пожалуй, и все, чем нам хотелось предварить публикацию этих документов. Остальное в них самих.

Приращения

¹ *Омельчук А.* Рыцари Севера. Свердловск, 1982; Источники по этнографии Западной Сибири / публикацию подготовили Лукина Н. В. и Рындина О. М. Томск, 1987; *Хомич Л. В.* Из истории советской этнографии. Изучение этнографии самодийских народов // Историческая этнография: Традиции и современность. Л., 1983; *Евладов П. В.* Север дальний — север близкий // Уральский следопыт, 1981. № 3. См. также статьи: *Пика А. И.* Ямал-Харьютти // Вокруг света. 1987. № 11; *его же.* Ямальские экспедиции 1920—30-х гг. // Полярный круг. 1989.

² Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность семье Евладовых (Свердловск) за любезно предоставленные для исследовательской работы и публикации материалы.

³ Музей археологии и этнографии Сибири при Томском университете им. Куйбышева. Архив В. Н. Чернецова. Д. 56. Л. 46.

Из воспоминаний В. П. Евладова. Датировано 13 марта 1926 г. Тобольск

«... в этом музее [Тобольский губернский краеведческий музей] в 1926 году, когда я проезжал в первую мою экспедицию, я встретился в этнографическом отделе с двумя молодыми студентами географического факультета Ленинградского университета — Чернецовым Валерием Николаевичем (Валей) и Котовщиковой Натальей Александровной (Наташей). Оба они ехали на Север с географическими, этнографическими и иными общими исследованиями, первый вогульского народа, вторая — самоедского, по изучению которых они специализировались.

В городе Березове им предстояло разехаться. Валерию свернуть с р. Оби к Уралу по Северной Сосьве, а Наташе следовать дальше на Север. Чернецов уже был среди вогульского населения, и ему путь и обстановка работы были известны, а Наташа еще не была на Севере и не знала, где найдет наиболее интересные для изучения объекты.

Я ехал на Север тоже впервые и тоже не знал, куда направиться. Моя ближайшая задача была найти лечебно-обследовательский отряд из двух женщин¹. в чем мне несомненно окажет помощь Обдорский райисполком.

Валерий сказал Наташе.

— Тебе, Наташа, очень повезло, ты неожиданно находишь хорошего спутника, Владимира Петровича, который, надо полагать, не откажет тебе в своей помощи?

Рис. 2. 1926 г. Тобольск — на пути к Ямалу. Н. А. Котовщикова,
В. Н. Чернецов, В. П. Евладов

— Ну, какой может быть разговор,— ответил я,— конечно, поедем до нашего отряда вместе, а там две культурные женщины, которые будут работать среди северных народов. Быть может, и работу с самоедами можно будет проводить, следуя вместе с отрядом.

Наташа была в восторге от такой удачи.

Примечания

¹ В 1926 г. В. П. Евладов принимал участие в экспедиции на п-ов Ямал в составе лечебно-обследовательского отряда Уралоблздравотдела. Начальник лечебно-обследовательского отряда Марина Львовна Шапиро-Аронштам и фельдшер-акушерка Анна Костромина.

Их полевого дневника В. П. Евладова. 1 октября 1928 г.
п-ов Ямал у оз. Ней-то

«Только едва-едва засинела ночь и восток побледнел, как мы распрощались с хозяевами и выехали. Проводник Лаптандер гнал оленей не жалея... Попрыск за попрыском ¹ оставляли мы сзади. Сколько проехали — неизвестно, но, вероятно, не менее 60—70 верст, делая в среднем по 12—15 верст в час. Не было еще и полдня, когда мы, вскочив на пригорок, буквально ворвались в наш стан. Собаки кинулись кучей с громким внезапным лаем из-за чума и палатки Вет.-бак. института ² (наша не была поставлена), выскочили люди и изумленно смотрели на 11 нарт, влетающих полным махом в стан. Я поднял руку и приветственно махнул. Вася бросился к нам и кричал: «Наши, наши!» В толпе я увидел Наталью Александровну Котовщикову — значит дождалась ³.

Трогательная встреча, радушие, смех, общая радость по поводу благополучного свидания, первые разговоры ото всех сразу и всем сразу:

— Были ли на Белом острове?

— Десять дней прожили.

— Как оленю?

— Ничего. Была чесотка, теперь уж почти ликвидирована.

— Где Иван Васильевич? [Каргопольцев]

— Он ждет на зимних нартах, туда одно касание.

— Как вы здесь, Наталья Александровна?

Рис. 3. 1928 г. п-ов Ямал близ оз. Ней-то. В. П. Евладов, Н. А. Котовщикова, Н. Н. Сплицин, Вася Терентьев, П. П. Королев (?)

— Пароход не дошел до Белого, высадил нас на рации Марресалья.

— Вот несчастье!

По распорядку, установленному до нас, сегодня должны были каслать к зимним нартам, так как нет продовольствия, но по случаю нашего приезда каслание отложили. Приятно было попить чаю в кругу друзей, за настоящим столом, с горячими лепешками (рис. 2). После чая я осмотрел все хозяйство, инвентарь, оленей... Начались более подробные разговоры...

У новых исследователей — Котовщиковой, начало экспедиции совсем не благополучное. Вместо того чтобы оказаться сразу в районе исследований, на Ямале, они высадились от него в расстоянии 700 верст с грузом в 150 пудов и без оленей. Самоеды теперь отходят от берега, и если в ближайшее время они не продвинулись на север, им придется зимовать в случайном месте и без людей. Снабдились они легкомысленно, при самой зиме они без одежды и обуви. Палатка без печки. В таких-то условиях даже при обилии продовольствия гибла не одна экспедиция. У Пахтусова, у Литке⁴ вряд ли было меньше продовольствия, но цинга их не миновала. Я зорко слежу за предотвращением ее появления, а они просто как-то по-детски глядят ей в глаза...

Я дам им Васю Терентьева⁵, который хотя и моложе их, но хорошо приспособлен к тундре, знает языки и способен на подвиги. Он их может выручить в тяжелую минуту с опытным Чернецовым.

Чем я могу им помочь? Если бы я стоял ближе, то запряг бы оленей и продвинул их верст на 200, а теперь, сохранив свой инвентарь, я снабдил их брезентами и еще кое-чем и Ив. Вас. (Каргопольцев. — А. П.) — теплой одежкой на один комплект.

Не нравится мне, что им в сумме четверым едва минуло 80 лет. Не видал еще полярный круг таких юнцов, одиноко заброшенных в ледяную пустыню со свирепыми морозами, жестокими ветрами и стужами. Если они погибнут, то в этом будут повинны пославшие их. Что нужно было им делать, раз пароход не дошел к Белому? Ясно, нужно было вернуться в Архангельск и перезимовать на своих обычных местах, чтобы в следующем году начать путешествие. Но для этого надо было иметь выдержку. Что делать теперь? Я им советовал — всемерно стараться продвинуться в устье Харасовой, где будет зимовать чум Хаулы⁶ и куда доходят легкие нарты с Ямала. Здесь моим именем взять Хаулы на помощь. Организовать в его чуме продуктовую базу, упросить его двигаться на север, хорошо платить, если возьмется за это дело, возможно, время от времени угощать, может быть, кормить его семью и, опираясь на его чум, легкими нартами вести исследования. Если не удастся продвинуться к Харасовой, то дело плохо и судьба экспедиции, а тем более ее результаты под вопросом. Я дал им все материалы своих исследований, которые когда-либо и чем-то им пригодятся»...

Примечания

¹ Попрыск (н'эдалава — ненецк.) — перегон, расстояние, которое олени в упряжке могут пробежать без отдыха. Зимой 10—15 км, а летом менее 10 км.

² Обдорское отделение Ленинградского ветеринарно-бактериологического института, его полевой отряд под руководством врача Д. В. Колмакова летом 1928 г. вел работы совместно с отрядом В. П. Евладова.

³ В ненецких чумах Евладову рассказали о том, что проезжала русская женщина, искавшая «начальника Ладымара». Евладов догадался, что это Котовщикова, и опасался, что она, не дождав-шись его, покинет лагерь на Ней-то.

⁴ Пахтусов Петр Кузьмич (1800—1835), Литке Федор Петрович (1797—1882) — русские мореплаватели, исследователи Севера.

⁵ Вася Терентьев — 15-летний «охотник-практикант» в экспедиции Евладова, уроженец Обдорска. С октября 1928 г. работал в экспедиции Н. А. Котовщиковой.

⁶ Хаулы Окатэтта — морской охотник, оленевод. Его «вотчина» была на месте нынешнего поселка геологов Харасавэй. Оказывал помощь обеим экспедициям.

Из писем Н. А. Котовщиковой

10 ноября 1928 г.
Верховье^{*} р. Таню-яга

Многоуважаемый Владимир Петрович!

Наша экспедиция выбралась наконец на главный водораздел¹ со всем своим грузом, и теперь мы двигаемся на север по хребту. На Парнэ-сале² к моему приезду туда груз доставлен не был из-за штормовой погоды, так что мы вывезли все на оленях. Здесь мы чрезвычайно обязаны действиям, очень большой энергии, находчивости и такту, который проявил Вася.

Я считаю, что можно сказать без преувеличений, что без него мне не удалось бы вывезти с рации все продовольствие и снаряжение. Правда, за первый перегон до Морды мы заплатили по своему бюджету бешено много, но зато теперь нас везут от чума к чуму бесплатно, и это совершенно не возбуждает неудовольствия самоедов. Правда, сейчас здесь много чумов, которые все подкочевали к водоразделу и везут нас, как говорят, «народом», то есть много чумов дает по нескольку нарт, так что для отдельного хозяйства мы необременительны. С продовольствием придется экономить, но до июня нам хватит, а тогда мы рассчитываем получить с самоедами еще продукты.

Вообще все складывается будто бы вполне благополучно. Лодка будет доставлена в устье Харасовой ранней весной, так что летом мы ее будем иметь у Белого. Настроение у всех повышенное, увлечены своей палаткой, в которой поставили довольно удачно печку фабрикации Валерия Николаевича и Васи³. Вчетвером в ней вполне возможно работать. Относительно норвежского парохода удалось получить еще дополнительные сведения. Песимо Окатэтта⁴ жил в нашей палатке 6 дней и чрезвычайно охотно рассказывал о своей поездке к норвежцам. В этом году было 2 парохода, команды на обоих около 30 человек. Норвежцы пытались вступить в торговые взаимоотношения с самоедами, просили песцов (единственное слово, которое они знали, по словам Песимо, это было «ного»). Песцов у морских промышленников, разумеется, не оказалось с собой, и сделка не состоялась.

Капитан парохода показывал Песиме морские карты и пытался расспросить, по-видимому, о подходе к реке Тиутей и Пясадай. Договориться они не смогли из-за отсутствия переводчика. Самоеды предлагают нам всем в будущем году приехать на Карское побережье в августе и съездить с ними вместе на пароход. Один из норвежцев здесь постоянный гость. Это было бы чрезвычайно интересно, и, возможно, кто-нибудь из нас постарается приехать для этого на Харасовой. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Вы несколько преувеличиваете опасность этого предприятия. Боюсь, что это не удастся просто из-за невозможности уехать так далеко от пролива и острова Белого в самое горячее время работы, когда надо будет вести и гидрологические работы там, и съемку острова. Вообще нас убивает, что пароход Убеко Сибири⁵ приходит так рано, возможно, что мы останемся еще там до половины сентября, отправим весь груз с пароходом, а сами выедем на легковых в Новый Порт⁶, откуда последний пароход уходит сравнительно поздно. Все это, разумеется, очень гадательно, и сейчас об этом трудно писать и говорить.

Вопросом первостепенной важности я считаю сейчас положение с Васей. Он узнал от самоедов, что его отец и дядя оба арестованы и высланы в Тобольск. Мы послали телеграмму в Обдорск с извещением о его зимовке и получили ответ, где сообщалось, что все здоровы и об его отъезде и снятии с работы не было ни слова. Вероятно, просто дома не хотят портить ему зимовки. Сейчас я спешно отсылаю его заявление в Ленинград, то есть важно, чтобы оно было получено там зимой, а не весной в начале учебного года, и я боялась, что мое письмо не застанет Вас на фактории и в Обдорске. Для Васи — крайне ценно было бы получить кроме простой справки о том, что он работал добровольно с мая по октябрь в Вашей экспедиции, еще и отзыв о работе. Может быть, Вы помните ту бумажку, которую Вы написали Лебедеву⁷ перед его отъездом в Ленинград еще в Свердловске. Вы писали ее как член партии с 1916 года, и она имела для него определенную ценность. Было бы хорошо, если бы подобную характеристику Вы написали и Васе. С такой же просьбой я обращаюсь и к П. П. Королеву, как представителю Зоотехнического пункта⁸, который тоже пользовался услугами Васи во время работы. Большой минус конечно, что Вася не комсомолец и не член Союза, но ему всего 15 лет, и я надеюсь, что его примут. Важно подчеркнуть, что он жил самостоятельно и работал по найму. Фактически это в значительной степени так и было, судя по его словам. Он безусловно способный мальчишка с повышенными запросами, и я уверена, что из него может выйти прекрасный работник на Севере. Во всяком случае ехать учиться ему необходимо, и мы этого добьемся, но Ваше содействие здесь очень облегчило бы и упростило все это дело. К работе нашей экспедиции он относится чрезвычайно горячо, и у него прекрасные отношения с В. Чернецовым и К. Ратнером.

За все полученное от Вас: сведения, снаряжение научное, брезенты и пр. и пр. примите еще раз самую искреннюю благодарность от всей нашей экспедиции. «Трубка мира» и коробка «Сафо», которую пожертвовал П. П.⁹ (самое ценное тут то, что и то и другое было последнее) доставили много отрадных минут. Для метеорологической будки мы приспособили ящик от зоологического снаряжения, затем... [?] флюгер и наблюдаем. Часы поставили по солнцу и буссоли. Они у нас остановились у всех троих, как хронометры у Нансена (да простят мне боги это сравнение!). Пожалуйста, передайте мой большой привет всей Вашей экспедиции, д-ру Колмакову, И. А. Тихонову, Абросиму Никандровичу¹⁰.

Ваша Н. Котовщикова

Примечания

¹ Малозаметная возвышенность, проходящая через весь п-ов Ямал в меридианальном направлении. Ненцы называют ее Ямал-хой (хребет). С водораздела реки стекают в Карское море и Обскую губу.

² Мыс в устье р. Морды-яха.

³ Рисунок интерьера палатки с печкой, сделанный рукой Чернецова, помещен в кн.: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 109.

⁴ Песимо Окатэтта — старожил «Тиутейско-харасовейского края», жил в семье Хаулы Окатэтта.

⁵ Управление по обеспечению безопасности судоходства в морях и устьях сибирских рек.

⁶ На легких нартах, без груза. Новый Порт — место перегрузки караванов карских торговых экспедиций, отсюда можно было отплыть вниз и вверх по Оби.

⁷ Ф. П. Лебедев принимал участие в переписи населения на Ямале в 1926 г.

⁸ Обдорский зоотехнический пункт, зав. В. Ф. Вашкевич. Зимой 1929 г. зоотехник из экспедиции Евладова П. П. Королев перешел на работу в Обдорский зоотехнический пункт.

⁹ П. П. Королев — зоотехник экспедиции В. П. Евладова.

¹⁰ А. Н. Абросимов — переводчик из отряда Вет.-бак. ин-та, И. А. Тихонов — ветфельдшер из того же отряда.

27 ноября 1928 г.

Дорогой Владимир Петрович!

Стоим у реки Тамбей. По-видимому, это уж действительно мое последнее письмо Вам. Случайно во время каслания встретили сегодня чум Тусида, который едет на Щучью. Зимующих чумов в этом году осталось порядочно. Я знаю 8, вероятно, есть еще. У нас все пока очень благополучно, до верхний р. Яхады-яга осталось 5 касланий, там мы останемся зимовать. У меня к Вам следующая просьба. Пожалуйста, весной, когда будете уезжать, пришлите расценки на все взятое у Вашей экспеди-

ции снаряжение (т. е. anerоид, 2 термометра, рулетку, буссоли). Когда я брала у Вас все это снаряжение, книга была где-то далеко спрятана, и в моих росписях стоимость всего этого не указана. Вчера олень разбил нам нормальный термометр, так что мы составим акт и заплатим за него. Возможно, что мы вернемся через Архангельск, я думаю, что придет шхуна (вернее промысловый бот), который снабжает острова. Он должен был прийти в этом году, но из-за льдов вернулся с Новой Земли. Было этих шхун две, одна разбилась у Вайгача. Шхуна «Б. Житков» потерпела аварию у Диксона, если узнаете что-нибудь об ее судьбе, то, пожалуйста, напишите. Это судно Комитета сев. морск. пути (Омск), и на ней поехал один московский зоолог, с которым я состояла в Архангельске в дружеских взаимоотношениях. Кроме этого капитан «Житкова» Каминский оказал несколько услуг нашей экспедиции, и мне интересно, как и что и где он теперь*. Вообще будем ждать от Вас письма. Всего хорошего. Надеюсь, что в сентябре 1929 года встретимся в Питере.

Ваша Н. Котовщикова

Приписка: Вася просил передать привет особо. Привет большой всей Вашей экспедиции от Сев. Ямальской!

---

* Нам ничего не известно о шхуне «Б. Житков» и ее капитане Каминском. Будем очень признательны тому, кто может предоставить сведения по этому вопросу (А. П.)

Записки Н. А. Котовщиковой, июль-август 1929 г.

1. Валя и Котя!*

Это письмо рассчитано на то, что мы не увидимся. Я оставляю здесь и иду к Коте на Яхады.

2. Хаен-сале.

Береговой знак, восстановленный Евладовым в августе 1928 г. В. Н. В случае моей смерти тебе придется воспользоваться частью собранных мною материалов для отчета. Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги. 30 июня 1929 г.

3. Милый Валя. Пишу в чуме Тёроку** рано утром, когда еще все спят. Должны прийти еще три шамана. Мне очень сильно нездоровится, кажется у меня началась цинга. Очень сильная слабость и припухли десны. Вероятно, от хронического недоедания.

4. 16 1929

Береговой знак Хаен-сале

Костя

За Вами приедут завтра и привезут сюда. Мне страшно нездоровится и лежу здесь без палатки. Захвати(ла?) все имущество

//

---

* В. Н. Чернецов и К. Я. Ратнер.

** Тёроку Вэнenga — оленевод, у которого подолгу гостили Евладов и Чернецов.

* * *

Эти записки, возможно, не последнее из того, чтобы было записано рукой Н. А. Котовщиковой в те дни. В некрологе, посвященном ей, В. Н. Чернецов упоминает о ее письмах-прощаниях к родным, о письменном наказе завершить начатые работы на Ямале и использовать ее материалы. К сожалению, этими документами мы не располагаем. Объяснение сложному сплетению обстоятельств, приведших к трагедии (и тут мы не можем не признать обоснованности тревожных предчувствий В. П. Евладова!), мы находим в дневниках и публикации В. Н. Чернецова. Он пишет, что еще 10 мая 1929 г. участники Ямальской экспедиции после совещания в чуме Някоче Вэнenga разъехались в разные

стороны: В. Н. Чернецов далеко на юго-запад к мысу Тиутей-Сале, К. Я. Ратнер к прол. Малыгина, Н. А. Котовщикова осталась в чуме Някоче вместе с Васей Терентьевым. 4 июня Вася тоже уехал для ведения статистических работ в других чумах. Более месяца Котовщикова жила в чуме Вэненга одна, без своих товарищей, и уже в это время в ее дневниках появились первые записи о болезни — озноб, напухание дёсен, судороги. Ненцы мало знакомы с цингой, Наталье Александровне пробовали помочь шаманы, но скорее всего, без успеха.

15 июня, как видно из ее дневника (так пишет Чернецов), братья Тёроку и Тэл Вэненга вывезли Котовщикову, по ее просьбе, к проливу Малыгина. Туда, по их ожиданиям, должен был прийти клипер Убеко Сибири «Прибой». Они оставили Наталью Александровну одну на пустынном берегу, пообещав привезти на следующий день находящегося недалеко К. Ратнера. Но сделать это им помешал неожиданный буран. «Прибой» не пришел, по-видимому, из-за шторма. Когда Ратнер прибыл к месту стоянки Натальи Александровны Котовщиковой, ее уже не было в живых...

Сейчас, когда трагическая острота этой давней полярной истории уже смягчена временем и нет нужды выискивать чью-то вину или просчеты в организации экспедиции, публикуя эти материалы, мы желали только одного — почтить память Натальи Александровны Котовщиковой, смелой и романтической женщины, советского этнографа-исследователя в трудных условиях исполнившего свой человеческий и профессиональный долг до конца.